

СУМЕРКИ.

СОЧИНЕНИЕ

Евгенія Боратынскаго.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

1842.

Кн. Михаил Влч. Федоровичъ

В. В. Земской.

См. В. В. Земская

G Y M P H K .

СУМЕРКИ.

СОЧИНЕНИЕ

Евгенія Боратынскаго.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СВИЩА,

ПРИ Императорской Медико-Хирургической Академіи

1842.

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. Москва, 1842 года, Марта 10 дня,

Ценсоръ И. Снегиревъ

КНЯЗЮ
ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ
ВЕЗЕМСКОМУ.

*Какъ жизни общіе призывы ,
Какъ увлеченья суеты ,
Понятны вамъ страстей порывы
И обаяніа мечты ;
Понятны вамъ все дунувенья,
Которымъ, въ морь бытія,
Послушна наша ладія:*

*Вамъ приношу я пьснопытль,
Гдѣ отразилась жизнь моя :
Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій, слѣпоты,
И между тѣмъ любви высокой,
Любви добра и красоты.
Счастливый сынъ уединенья,*

*Гдѣ сердца вътрєнные сны,
И мысли праздныя стремленья
Разумно мной усыплєны;
Гдѣ, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ;
Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ,*

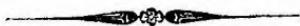
*И позабылъ, какъ-бы во гробъ,
Но добровольно шумный свѣтъ:
Еще, порою, покидаю
Я Лету созданную мной,
И степи міра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой:
Ищу я васъ; гляжу: что съ вами?*

*Куда вы брошены судьбами,
Вы озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?
Что вамъ даруетъ провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ небо васъ?
И возношу молящій гласъ:*

*Да длится ваше упоенье
Да скоро минетъ скорбный часъ!*

*Звѣзда разрозненной Плеяды !
Такъ, изъ глуши моей, стремлю
Я къ вамъ заботливые взгляды,*

*Вамъ высшей благодати молю,
Отъ васъ отвлекъ судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вамъ прозою почтовой
Льниво дань мою плачу.*

ПОСЛѢДНІЙ ПОЭТЪ.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ,
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопчутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышетъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человекъ,
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ;
Цвѣтетъ Парнасъ! предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальской ключъ живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы
Возникъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Воспѣваетъ простодушной
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суэту:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше смертный, въ дни незнанья,
Радость чувствуетъ земля.

Поклонникамъ Ураніи холодной
Поетъ , увѣ! онъ благодать страстей :
Какъ пажити, Эоль бурнопогодной ,
Плодотворять онъ сердца людей ;
Живительнымъ дыханіемъ развитя ,
Фантазія подьземлется отъ нихъ ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

И за чѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ; персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонилъ:
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; но свѣтъ
Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
И на землѣ уединенья нѣтъ!

Человѣку не покорно
 Море синее одно:
 И свободно, и просторно,
 И прिवѣтливо оно;
 И лица не измѣнило
 Съ дня, въ который Аполлонъ
 Поднялъ вѣчное свѣтило
 Въ первый разъ на небосклонъ.

Оно шумитъ передъ скалой Левкада.
 На ней, пѣвецъ, мятежный думы полнъ,
 Стоитъ.... въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
 Сія скала..... тѣнь Сафо!.... голосъ волнъ...
 Гдѣ погребла любовница Фаона
 Отверженной любви несчастной жаръ,
 Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
 Свои мечты, свой бесполезный даръ!

И по прежнему блистаетъ
Хладной роскошю свѣтъ :
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ;
Но въ смущеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской ,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой !

Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ;
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.

Гонить въ немъ нашъ вѣкъ надменной,
Не узнавъ его лица,

Нашей правды современной
Дряхлѣтняго отца.

Воздержи младую силу !
Дней его не возмущай ;
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ , предку дай

НОВИНСКОЕ.

А. С. ШУБНИКОВУ.

Она, улыбкою своей,
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь, отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой ослѣпила.

Нѣтъ, это былъ сей легкой сонъ,
Сей тонкой сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

ПРИМѢТЫ.

Пока чловѣкъ естества не пыталъ
Горвиломъ, вѣсами и мѣрой;
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала:

О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.

Почуя бѣду надъ его головой,
Врань каркаль ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзповенье.

На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу волкъ,
Крутясь и подѣмля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.

Чета голубиная вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала:

Въ пустынь безлюдной онъ не былъ однимъ,
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму;
Вдался въ суету изысканій....
И сердце природы закрылось ему
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Всегда и въ пурпурѣ и златѣ,
Въ красѣ негаснущихъ страстей,
Ты не вздыхаешь объ утратѣ
Какой-то младости твоей :
И юныхъ Грацій ты прелестнѣй!
И твой закатъ пышнѣй чѣмъ день !
Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистательная тѣнь !

Увы! Творецъ первыхъ силъ!
На двухъ статейкахъ утомилъ
Ты кой какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,
Уже, въ жару нездравомъ, ты
Коверкать сталъ правописание!

Неаполь возмутилъ рыбарь
И власть пріявъ, какъ мудрый царь

Двѣнадцать дней онъ градомъ правиль;
Но что же? непривычный умъ,
Уставъ отъ вѣнценосныхъ думъ,
Его въ тринадцатый оставиль!

НЕДОНОСОКЪ.

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.

Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ
И веселыми крылами
Ластюсь къ нимъ какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье зареветъ
И до облакъ сводъ небесный
Омрачившись, вознесетъ
Прахъ земной и листъ древесный:
Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
Дуновенье роковое

Бьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.

Бури грохотъ, бури свистъ !
Вихорь хладный! вихорь жгучій!
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій !
Обращусь-ли къ небесамъ ,
Оглянуся-ли на землю :
Грозно, черно тутъ и тамъ ;
Вопль унылый я подъямлю.

Смутно слышу я порой
Кличь враждующихъ народовъ,

Поселянъ безпечныхъ вой
Подъ грозой ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей ,
Плачь недужнаго младенца...
Слёзы льются изъ очей :
Жаль земнаго поселенца !

Изнывающій тоской ,
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ !
Въ тучу прячусь я, и въ ней
Мчуся чуждъ земнаго края ,
Страшный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.

Міръ я вижу какъ во мглѣ ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу.... На землѣ
Оживилъ я недоносокъ.
Отбылъ онъ безъ бытія:
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

АЛКИВИАДЪ.

Облокотясь передъ мѣдью образъ его отра-
жавшей,

Дланью слегка приподнявъ кудри златыя чела,

Юный красавецъ сидѣлъ горделиво задумчивъ,

и смѣхомъ

Горькимъ смѣясь, на него мужи казали пер-

стомъ;

Дѣвы, тайно любуясь челомъ благородно от-
крытымъ,

Нехотя взоръ отводя, хмурили брови свои.

Онъ же и глухъ былъ, и слѣпъ; онъ не въ мѣ-
ди глядясь, а въ грядущемъ

Думалъ: къ лицу-ли ему будетъ лавровый
вѣнокъ ?

РОПОТЪ.

Краснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты
Вьешься терзая меня, льнешь то къ лицу, то
къ перстамъ?
Кто одарилъ тебя жаломъ властнымъ прер-
вать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви по-
цалуй?

Ты изъ мечтателя мирнаго , нѣгъ Европейскихъ
питомца ,
Дикаго Скифа творишь , жаднаго смерти врага .

МУДРЕЦУ.

Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смер-
тью, философъ

Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей:
покой.

Намъ, изволениемъ Зевеса брошеннымъ въ міръ
коловратный,

Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье
одно.

Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу

Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣ-
зецъ ;

Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ
его чуя,

Первымъ стenanъемъ качать нудитъ свою
колыбель !

Филида, съ каждою зимою ,
Зимою новою своею ,
Пугаетъ большею наготою
Своихъ старушечьихъ плечей :
И, Афродита гробовая ,
Подходить, словно къ ложу сна ,
За ризою ризу опуская,
Къ одру послѣднему она.

БОКАЛЪ.

Полный влагой искрометной,
Зашипѣлъ ты мой бокалъ!
И покрылъ туманъ привѣтной
Твой озябнувшій кристалъ.....
Ты не встрѣченъ братьей шумной
Буйныхъ оргій властелинъ:
Сластолюбецъ вольнодумной
Я сего дня пью одинъ.

Чѣмъ душа моя богата
Все твое, о другъ Аи!
Нынѣ мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не разсѣянъ данникъ твой
Безтолково оживленной,
Разногласною толпой:

Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого;
Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего;
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ,
Изліянемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!

Вотъ теперь со мной бесѣдуй
Своенравная струя !
Упоенья проповѣдуй,
Иль отравы бытія;
Сердцу милая преданья
Благодатно оживи,
Или прошлыя страданья
Мнѣ на память призови !

О, бокаль уединенья !
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья
Словно чашей круговой :
Плодороднѣй, благороднѣй,
Дивной силой будешь ты
Откровенья преисподней,
Иль небесныя мечты.

И одинъ я пью отнынѣ!
Не въ людскомъ шуму, пророкъ,
Въ нѣмотствующей пустынѣ
Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ!
Не въ безплодномъ развлеченьи
Общежительныхъ страстей,
Въ одинокомъ упоеньи,
Мгла падетъ съ его ^е очей!

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

Въ день ненастный, часъ гнетучій
Грудь подыметъ вздохъ могучій;

Бойкой пѣсню разольется:
Скорбь — невзгода распоеся!

А какъ вѣкъ то, вѣкъ то старой
Обручится съ лютой карой ;

Грузъ двойной съ груди усталой
Ужъ не сбросить вздохъ удалой :

Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ !

На что вы дни ! Юдольный міръ явленья

Свои не измѣнить!

Всѣ вѣдомы, и только повторенья

Грядущее сулить.

Не даромъ ты металась и кипѣла

Развитіемъ спѣша ,

Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безмысленно глядитъ какъ утро встанетъ
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной бесплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустаго дня!

АХИЛЛЪ.

Влага Стикса закалила
Дикой силы полногу,
И кипящаго Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимымъ лишь въ пятю.

Обреченъ борьбѣ верховной ,
Ты-ли, долею своей

Равенъ съ нимъ, боецъ духовной ,
Сынъ купели новыхъ дней?

Омовень ея водою ,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты далъ
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталь!

Сначала, мысль, воплощена
Въ поэму сжатую Поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта ;
Потомъ осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста ,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна ,
Какъ искушенная жена

Въ свободной прозѣ романиста ;
Болтуня старая за тѣмъ
Она, подъявля крикъ нахальной,
Плодить въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

Еще какъ Патріархъ не древень я ; моей
Главы не умастилъ таинственный елей :
Непосвященныхъ рукъ бездарно возложенъ !
И я даю тебѣ мое благоеловенъе
Во знаменъи иномъ, о дѣва красоты !
Подъ этой розою главой склонись, о ты
Подобіе цвѣтовъ Царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дисей и доли благодатной.

Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится въ ней она
Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
Не легкокрылыхъ грёзъ дѣтей волшебной тьмы,
Видѣній дня боимся мы,
Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

Ощупай возмущенный мракъ:
Исчезнетъ, съ пустотой сольется

Тебя пугающій призракъ

И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.

О сынъ Фантазіи! ты благодатныхъ Фей

Счастливый баловень, и тамъ, въ заочномъ мірѣ

Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ

Неосязаемымъ властей:

Мужайся, не слабѣй душою

Передъ заботою земною:

Ей исполинской видъ даетъ твоя мечта;

Коснися облака нетрепетной рукою,

Исчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою

Обители духовъ откроются врата.

Здравствуй отрокъ сладкогласной!
Твой разсвѣтъ зарей прекрасной
Озаряетъ Аполлонъ!
Честь возникшему Питу!
Малолѣтнюю Хариту
Ранней лирой тронулъ онъ.

Съ утра дней счастливъ и славенъ,
Кто тебѣ мой мальчикъ равенъ?

Только жавронокъ живой,
Чуткой грудію своею,
Съ первымъ солнцемъ, полный всею
Наступающей весной!

Что за звуки? мимоходомъ,
Ты поешь передъ народомъ
Старецъ нищій и слѣпой!
И какъ псовъ враждебныхъ стая,
Чернь тебя обстала злая
Издѣваясь надъ тобой.

А съ тобой издавна тѣсенъ
Былъ союзъ камены пѣсенъ,
И бесѣдовалъ ты съ ней
Безимянной, роковою,
Съ дня какъ въ первый разъ тобою
Былъ услышанъ соловей.

Бѣдный старецъ! слышу чувство
Въ сильной пѣсни.... Но искусство...
Старцевъ старѣ оно:
Эти радости, печали,
Музыкальныя скрыжали
Выражаютъ ихъ давно!

Опрокинь-же свой треножникъ!
Ты избранникъ, не художникъ!

Попеченья Геній твой

Да отложить въ здѣшнемъ мірѣ:

Тамъ, быть можетъ, въ горнемъ клирѣ

Звучень будетъ голосъ твой!

Къ нимъ чувственнымъ , за грань ихъ не ступая!

Есть хмѣль ему на праздникъ мірскомъ!

Но предъ тобой, какъ предъ нами мечёмъ,

Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная.

СКУЛЬПТОРЪ.

Глубокой взоръ вперивъ на камень ,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ
И пробѣжалъ по жиламъ пламень ,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.

Но безконечно вожденной ,
Уже онъ властвуетъ собой:

Петропливой, постепенной
Ръзецъ, съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.

Въ заботъ сладостно туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, съ желанной
Покровъ послѣдній не падетъ.

Покуда страсть уразумѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Не увлечетъ, желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца.

ОСЕНЬ.

I.

И вотъ Сентябрь! замедля свой восходъ,

Сіянемъ хладнымъ солнце блещетъ

И лучъ его, въ зеркалѣ зыбкомъ водъ,

Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.

Сѣдая мгла віется вокругъ холмовъ;

Росой затоплены равнины;
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ
И красенъ круглый листь осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

II.

И вотъ Сентябрь! и вечеръ года къ намъ
Подходить. На поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои серебристые узоры:
Пробудится ненастливый Эоль;

Предъ нимъ помчится прахъ летучій,
Качаяся завоетъ роща: долъ
 Покроетъ листъ ея падучій,
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ заплънится рѣка;

III.

Прощай, прощай сіяніе небесъ!
 Прощай, прощай краса природы!
Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
 Златочешуйчатая воды!
Веселой сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣтъ!

Вотъ эхо, въ рощахъ обнаженныхъ,
Съкирою тревожитъ дровосѣкъ

И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
Застылый токъ туманно отразить.

IV.

А между тѣмъ досужій селянинъ

Плодъ годовыхъ трудовъ собираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,

Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ

Снопъ стоятъ въ копнахъ блестящихъ
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возахъ
Подъ тяжкой ношею скрипящихъ
И хлѣбныхъ скирдъ золотверхій градъ
Подъѣмлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

V.

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпь стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся:
Иди зима! на строги дни себѣ

Припасъ оратай много блага :
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага :
Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ,
Своихъ трудовъ благословенный плодъ!

VI.

А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Оратай жизненнаго поля
И предъ тобой во благостынѣ всей
Является земная доля ;
Когда тебѣ житейскія бразды

Трудъ бытія вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее собираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты;

VII.

Ты также-ли какъ земледѣль богатъ?
И ты какъ онъ съ надеждой сѣялъ;
И ты какъ онъ о дальнемъ днѣ награды
Сны позлащенные мѣлялъ...
Любуйся-же, гордись воставшимъ имъ!

Считай свои приобрѣтенья!.. ..

Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ

Тобой скопленныя презрѣнья ,

Язвительный, неотразимый стыдъ

Души твоей обмановъ и обидъ!

VIII.

Твой день взошелъ и для тебя ясна

Вся дерзость юныхъ легковѣрій;

Испытана тобою глубина

Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.

Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,

Сочувствій пламенный искатель,
Блестательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.

IX.

Но если-бы негодованья крикъ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой:
Костями-бы среди своихъ забавъ

Содроглась вѣтрная младость,
Играющій младенецъ, зарыдавъ
Игрушку-бѣ выронилъ, и радость
Покинула-бѣ чело его на вѣкъ,
И заживо-бѣ въ немъ умеръ человекъ!

Ж.

Зови-жъ теперь на праздникъ честный мѣръ!
Спѣши, хозяинъ тароватый!
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчить онъ утѣхъ!

Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блится онъ!... По вкусу одинъ во всѣхъ

И какъ могила людямъ страшень:
Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!

XI.

Какое-же потомъ въ груди твоей

Ни водворится озаренье,
Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней

Последнее вихреверженье :
Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ.

Умъ безполезный сердца трепеть
Угломонить, и тщетныхъ жалобъ въ немъ
Удушить запоздалый лепеть
И примешь ты, какъ лучшей жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ.

ХІІ.

Иль, отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Цвѣтущій брегъ за мглою черной,
Возмездій край благовѣстящимъ снамъ

Довѣрясь чувствомъ обновленнымъ
И, бытія мятежнымъ голосамъ
Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ,
Внимающій какъ арфамъ, коихъ строй
Превыспренній, не понятъ былъ тобой;

ХІІІ.

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою не видящей границъ
И утоленнымъ разумѣньемъ:
Знай, внутренней своей во вѣки ты

Не передашь земному звуку
И легких чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку :
Знай, горняя, иль дольная она
Намъ на землѣ не для земли дана.

XIV.

Вотъ буйственно несется ураганъ
И лѣсъ подъемлетъ говоръ шумной,
И пѣвится, и ходитъ Океанъ ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной :
Такъ иногда толпы лѣвивый умъ

Изъ усыпленія выводитъ

Гласъ, пошлый гласъ въщатель общихъ думъ

И звучный отзывъ въ ней находить,

Но не найдетъ отзыва тотъ глаголь,

Что страстное земное перешолю.

XV.

Пускай, принявъ неправильный полетъ

И вспять стези не обрѣтая,

Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ;

Пусть замѣнитъ ее другая:

Не явствуетъ земль ущербъ одной,

Не поражаетъ ухо міра
Паденія ея далекой вой ,
Равно какъ въ высотахъ Эфира
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ !

XVI.

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья :
Со смертию жизнь, богатство съ нищетою ,

Всѣ образы години бывшей
Сравниются подѣ снѣжной пеленой
Однообразно ихъ покрывшей :
Передѣ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ!

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой нибудь неправедный изгибъ
Сердцеъ людскихъ предъ нами обнажившій.
Двѣ области: сіянія и тьмы
Исслѣдовать равно стремимся мы.

Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человекъ!
Такъ въ дикой смыслъ порока посвящаетъ
Насъ иногда одинъ его намѣкъ.

РИФМА.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ музъ, онъ пѣлъ среди ва-
ловъ
Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила:
Свободнымъ и широкимъ метромъ,

Какъ жатва зыблемая вѣтромъ

Его гармонія текла.

Толпа вниманіемъ окована была

Пока, могучимъ сотрясеніемъ

Вдругъ побѣжденная, плескала безъ конца

И струны звучныя пѣвца

Дарила новымъ вдохновеніемъ.

А нынѣ кто у нашихъ лиръ

Ихъ дружелюбной тайны просить?

Кого за нами въ горній міръ

Опальный голосъ ихъ уносить?

Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ

Его полетъ высокъ иль нѣтъ!

Самъ судія и подсудимый,

Пусть молвить: пѣснопѣвца жаръ

Смѣшной недугъ иль высшій даръ?

Рѣшить вопросъ не разрѣшимый!
Среди безжизненнаго сна,
Средь гробоваго хлада свѣта,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, съ роднаго берега,
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. К. П. А. Вяземскому.	5
II. Послѣдній Поэтъ.	15
III. Предразсудокъ! онъ обломокъ.	21
IV. Новинское.	23
V. Примѣты.	25
VI. Всегда и въ пурпурѣ и златѣ.	28
VII. Увы! Творецъ не первыхъ силъ.	29
VIII. Недоносокъ.	31
IX. Алкивиадъ.	36
X. Ропоть.	38
XI. Мудрецу.	40
XII. Филида съ каждою зимою.	42
XIII. Бокаль.	43
XIV. Были бури, непогоды.	47
XV. На что вы дни.	49
XVI. <i>Ахиллъ</i> (напечатана 1841 года, въ Современникѣ, издаваемомъ Г. Плетневымъ, въ Санктъ-Петербургѣ).	51
XVII. Сначала мысль.	53

II

	<i>Стр.</i>
XVIII. Еще какъ Патріархъ.	55
XIX. Толпѣ тревожный день.	56
XX. Здравствуй отрокъ сладкогласной.	58
XXI. Что за звуки!	60
XXII. Все мысль, да мысль.	63
XXIII. Скульпторъ.	65
XXIV. Осень.	67
XXV. Благословенъ святое возвѣстившій.	84
XXVI. Рифма.	86

